

Обоснование теизма и «реформатская эпистемология»

Шрейбер Виктор Константинович,

Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия)

На примере эпистемологической концепции Алвина Плантинги предлагается анализ «реформатской» попытки обоснования ценностей.

«Реформатская эпистемология» (reformed epistemology – RE) – направление в философии религии, занимающееся поисками рационального обоснования веры в

Бога. Хотя две другие осевые идеи религиозной картины мира: бессмертия души и посмертного воздаяния – тоже находятся в фокусе внимания этой эпистемологии, идея бога приоритетна, ибо придает целостность всей структуре религиозного мирозерцания. Истоки вопроса уходят в эпоху гностиков. Но в конце прошлого века произошел всплеск интереса к нему благодаря публикациям У. Алстона и его тогдашних коллег по частному протестантскому колледжу свободных искусств в Гранд Рапидс (Мичиган) – А. Плантинга и Н. Уолтерсторфа. Принципиальное утверждение RE, как его формулирует Плантинг, состоит в том, что вера во всемогущее, всезнающее, благое и любящее духовное существо – эта вера по самой «своей сущности» может быть базисной.

Что здесь означают «базисность» и «по своей сущности»? Что дает реформатская эпистемология для понимания обоснования? И каково отношение к новациям реформаторов? Эти вопросы рассматриваются ниже.

Традиционно критики теизма апеллировали к отсутствию надежных *свидетельств* в пользу существования Бога; если бы такие аргументы существовали, то вера в бога была бы *рациональна*. Эту установку называют *эвиденциализмом*; и ей одинаково следовали Декарт и Локк. Приверженцы теизма также руководствовались этой логикой, предложив, в частности, онтологическое космологическое и телеологическое доказательства. Поскольку их логическая сила оставляла желать лучшего, сюда добавлялся моральный аргумент: «если Бога нет, то все дозволено». Но в последнее время убедительность эвиденциализма ослабла – и ослабла как раз в рамках общей теории познания. Плантинг учел этот сдвиг и выдвинул тезис, что, поскольку исключительный феномен требует исключительных доказательств, отсутствие обычных свидетельств существования Бога не может быть основанием иррациональности веры в него. Здесь, собственно, вперед и выходит понятие базового (базисного) убеждения.

Базисное убеждение принимается *непосредственно*, а не выводится из других. И классика выделила два вида базисных очевидностей: относящиеся к внутренней жизни индивида и «самоочевидные» утверждения. Поскольку же вера в Бога не относится к внутренней жизни индивида и отнюдь не самоочевидна, она может быть принята только на основаниях других убеждений. Этот взгляд, утвердившийся во времена Просвещения, и был оспорен сторонниками RE.

Плантинг настаивает на существовании более чем двух способов формирования базисных убеждений. Нет ничего иррационального в вашей уверенности, что вчера утром вы съели апельсин, даже если эта вера не строится на совершенно «беспорных» посылах. И разве для верующего идея Бога не может быть базисной как раз в смысле всей полноты оснований, их ясности и *очевидности*? Кроме того, Плантинг меняет смысл процедуры обоснования. Внешне это изменение проявляется в замене слова *justification*, которое традиционно использовалось в этом контексте, *предписанием (warrant)*. *To justify* – это привести доводы в пользу существования какой-либо вещи или действия. И *justification* синонимично объяснению. У слова *warrant* ведущим является легальный смысл; соответствующий глагол переводится как «сделать нечто необходимым или приемлемым в определенной ситуации».

При каких условиях *предписание* обретает обоснованный статус? Их четыре. Оно должно продуцироваться *нормально функционирующими* когнитивными структурами, которые проектировались Богом или эволюцией именно для *данной* когни-

тивной среды. То есть, связь между средой и когнитивными структурами внутренне рациональна. Обоснования с такими характеристиками обладают истинностной модальностью. Соответствующие когнитивные процессы (память, восприятие и т. д.) нацелены на продуцирование знаний. Но – и тут у адепта RE возникает кантианский мотив – процессы, которые порождают веру, похоже, предназначены для чего-то иного, нежели доверие к истине. Так уверенность, возникшая на основе принятия желаемого за действительное, помогает преодолеть жизненные трудности, сохранить хорошие отношения с другими и т. п. Эти уверенности, по-видимому, продуцируются теми же когнитивными процессами и механизмами, что нацелены на истину, но у них другая жизненная задача, – скажем, выживание или психологический комфорт. Наконец, четвертая черта обоснования как предписания состоит в его *успешности*.

Согласно Плантинге, вера в Бога этим условиям отвечает. Формат сообщения не позволяет раскрыть всех нюансов связи предписания и обоснования, где автор, – возможно, произвольно – движется по стопам Фейербаха, и отметит лишь вывод протестантского аналитика. В рамках RE, пишет Плантинга, вера имеет основание, если и только если она является истинной; «отсюда, будет ли человек считать, что у него есть предписание, это зависит от того, считает ли он его истинным» [1, p. 679].

Иными словами, если вы верите в существование Бога, он есть; если веры нет, то нет и бога. Это ленинское замечание по поводу прагматической концепции истины сегодня больше известно как «аргумент Великой Тыквы». Лайнус, герой популярного комикса начала 50-х, уверяет, что эта тыква приходит во время Халлоуина ко всем, кто искренне верит в неё, и приносит подарки. Другие, в конце концов, перестают верить в эту выдумку, но Лайнус упорно проводит каждый «халлоуин» на своем тыквенном участке. В общей форме: почему нельзя считать базовым любое убеждение, принятое на интеллектуально признанной основе? Реформатор, однако, может возразить, что вера в бога опирается на естественную тенденцию в людях, тогда как в отношении «великой тыквы» это сомнительно. Из права считать веру в Бога базисной не следует, что «эксцентричные» верования вроде веры в Великую Тыкву не могут быть исключены из состава базисных.

Это ведет ко второму замечанию. Даже если для некоторых индивидов вера в Бога обладает должным обоснованием, это не гарантирует её истинности. С этим Плантинга и не спорит, но указывает, что отсутствие гарантии не является причиной для отказа от реформатской трактовки базовости, ибо, если и нет уверенности в истинности убеждения, то все-таки рационально придерживаться базисного убеждения. Однако – и тут вновь возникает парафраз ленинской реплики – убеждение, которое одному индивиду представляется как обоснованное должным образом, может и не обладать этим статусом для другого.

Христианин верит в Иисуса; буддист – в *нирвану*; вера в *дао* может обладать правильным обоснованием для даосов, а вера в магические заклинания – для поборников вуду. Главное! – универсального набора правильных базисных убеждений не существует, соответственно, нет и универсальной рациональности. Отсюда, не оборачивается ли духовной ловушкой безоглядное принятие любой системы убеждений? Плантинга согласен, что его метод выявления базисных убеждений может вести к разным заключениям. Но парирует критику замечанием, что подобным же образом обстоит дело в философии. И просить философов придти к согласию по фундаментальным вопросам – по любому вопросу! – это, возможно, просить их о слишком многом.

Объективно результаты исследований реформатских эпистемологов призывают к толерантности. Вопрос лишь в том, как к такому призыву отнесутся радикалы. Учитывая реакцию православных активистов на еще не вышедший фильм Школьника о Николае и Кшесинской, не говоря уже о зарубежье, можно сказать, что неопределенностей здесь хватает. И главная проблема, думаю, в необходимости – неизбежности даже – авторитарного обоснования ценностей «при строго определенных условиях».

Литература

1. *Plantinga, A. Reformed Epistemology* // A. Plantinga, in: *Companion to Philosophy of Religion* – edited by Charles Taliaferro, Paul Draper, and Philip L. Quinn. – Blackwell Publishing, 2010. – Pp. 674–680.